

**Коллектив авторов
Алексей Дмитриевич Ахматов
6 ЛИТО**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12829280
6 ЛИТО: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00098-011-8*

Аннотация

Перед вами реальный путеводитель по литературной топографии культурной столицы – второй том уникального издания, собравшего под одной обложкой крупнейшие литературные объединения Санкт-Петербурга: от Всеволода Азарова и Игоря Кравченко до Алексея Машевского и Владимира Морозова.

Несомненно, еще долгие годы он будет востребован как справочник для любого, кто интересуется поэзией начала XXI века.

Содержание

Литературное объединение	6
Александр Петрович Вергелис	8
Дождь	8
Ниен	10
Аркадий Ратнер	12
Восьмое сентября	12
Монолог золушки	13
Василий Евгеньевич Русаков	15
Владимир Бауэр	20
Лора	22
Памятник (сиквел)	23
Ирина Остроумова	25
Слива первая	25
Слива вторая	25
Кира Грозная	27
Меланхолия	27
Съёмка	28
Дневной сон	28
Межсезонье	29
Елена Литвинцева	30
Дибуну	33
Наталья Некрасова	36
Старателю	36
Николай Неронов	39
Микросхема	41
Сергей Николаев	42
Сергей Семенов	45
Григорий Хубулава	48
Лито Лэти	53
Алексей Королев	55
Серый волк	55
Голубь	56
Дог	56
Максим Швец	59
Портрет	59
Татьяна Лапина	63
У берегов Английского пруда	63
Рождество 2012	63
Как я провел лето	64
Декабри	64
Картина	64
Синий вечер	65
Мария Кудрявцева	66
Баба-яга	66
Фирс	66
Российское	67

О себе	67
Сон	68
Лэти	68
Татьяна Захарченко	70
Ксения Буржская	72
Октябрь	72
Святослав Тернов	76
По дороге в зоосад	76
Надежда Баранова	78
Прогулка	78
Отъезд	78
Автобус	79
Лето	79
Листья	79
Небо	80
Мария Летюхина	81
Тверские мотивы	81
Размышления у Стены плача	81
Нежность	81
Петербургу	82
Ксения Антонова	83
Мой город	83
Медвежья песня	83
Незнакомец	84
Голая правда	84
Я детеныш	85
Константин Ансимов	86
Мед	86
Эфирное	86
Тамплиер	86
Елизавета Есенина	88
Роман с дождём	88
Ветер	88
Кто-то курит сигареты	89
Останки красоты	89
О высоком	89
Елизавета Белянина	91
Город	91
Елена Шапка	93
Новый взгляд	93
Питер	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

6 ЛИТО

© Авторы, 2015

© А. Д. Ахматов, состав, 2015

© «Геликон Плюс», макет, 2015

Литературное объединение Алексея Машевского

Литературное объединение Алексея Машевского – одно из старейших в городе. Оно было создано в начале 90-х годов прошлого века по инициативе Александра Ефимовича Щедрцова, ратовавшего за создание в городе Союза творческой молодежи, ступенью к которому должна была стать сеть ЛИТО для старшеклассников и студентов. Тогда в этот процесс были вовлечены Ольга Бешенковская, Алексей Пурин, Вячеслав Лейкин, Алексей Машевский и другие поэты, возглавившие литературные студии в разных районах города. Первыми участниками студии Алексея Машевского были Ася Аверина и Евгения Голосова. Поэт Евгений Русаков вспоминал: «Постепенно происходило “слияние” районных студий, и через несколько лет занятия были перенесены в 239-й физико-математический лицей на Фурштатской» (кстати, в этом знаменитом учебном заведении в свое время учился Алексей Машевский, тогда еще не знавший о том, что из лагеря физиков перейдет в стан лириков). Именно в стенах лицея студию начали посещать Алексей Калинин, Сергей Николаев, Артур Кротов, Марат Басыров, Игорь Павлов.

Несколько лет – в 1993–1995 годах – ЛИТО собиралось в Музее Пушкина на Мойке. К этому времени студийцев стало больше, возрастной состав студии сильно изменился (появились Александр Куляхтин, Владимир Бауэр, Денис Датешидзе, Василий Русаков, Павел Мейлахс, Павел Выжлецов, Александра Ключкова, Игорь Гарновский, Валерий Ливенцов). Из воспоминаний Василия Русакова: «К середине 90-х годов из молодежных студий, когда-то созданных по инициативе Щедрцова, продолжала функционировать только наша. Музей Пушкина, надо сказать, не проявил подлинной заинтересованности в том, чтобы живой литературный процесс продолжался в его стенах». В результате студия переехала в Музей Анны Ахматовой. Во многом благодаря сотрудничеству с галереей «Серебряный век», которую в это время возглавлял Владимир Шубин, являвшийся одновременно главным редакто-

ром журнала «Арс» (бывшее «Искусство Ленинграда») и заместителем директора по науке Ахматовского музея. С той поры ЛИТО пользовалось неизменной поддержкой и благорасположением его сотрудников во главе с директором Ниной Поповой. И только в последнее время спущенные «сверху» бюрократические требования вынудили студийцев покинуть гостеприимные стены. Ныне занятия студии проходят в здании Дома писателей Санкт-Петербурга.

За время работы ЛИТО был выпущен коллективный сборник «Натуральное хозяйство» (1996 г.), возник сетевой альманах Folio Verso (<http://folioverso.ru>). Многие студийцы издали книги стихов и прозы, некоторые были приняты в члены петербургского Союза писателей. ЛИТО Алексея Машевского регулярно принимает участие в поэтическом фестивале «Петербургские мосты» и акциях, организуемых Музеем Ахматовой.

В конце 90-х – начале 2000-х годов участниками студии стали поэты Василий Ковалев, Лариса Шушунова, Александр Вергелис, Алексей Беляев, Вадим Ямпольский, Елена Литвинцева, Кира Грозная, Наталья Некрасова, Сергей Семенов и многие другие.

Увы, большой потерей для литобъединения стал уход из жизни Василия Евгеньевича Русакова. В августе 2010 года один из лучших поэтов Петербурга покинул студию навсегда. Василий Русаков пришел в ЛИТО не юношей, как многие, но вырос как поэт он именно здесь, в студии Машевского. Его пример – убедительное доказательство того, что литературная среда для одаренного человека, пишущего стихи, – необходимое условие творческого роста.

Александр Петрович Вергелис

Родился в Ленинграде в 1977 году. Работал школьным учителем, журналистом, служил офицером в пограничных войсках. Публиковался как поэт, прозаик и критик в литературной периодике России и зарубежья. Лауреат премии журнала «Звезда» (2006) Автор книги стихов «В эпизодах» (2010). В литературном объединении Алексея Машевского с 2001 года.

Дождь

Мы не умрем, пока, шепча и плача,
он топчется за дверью. Ничего,
что вынуждена вымокшая дача
выслушивать все жалобы его.

Мы будем жить, пока, у нас воруя
бесценный день, нас держат взаперти.
Мы не умрем сегодня, говорю я,
поскольку время замерло в пути,

поскольку мир, прислушиваясь, замер,
забыв себя, остановив свое
сердцебиенье, мокрыми глазами
разглядывая мокрое белье,

которое забыли на веревке...
Весь в капельках, велосипед блестит.
Застыло всё. Но после остановки
еще быстрее время полетит.

И старые часы, опережая
ход времени, торопятся туда,
где наша жизнь проходит, как чужая,
и где другая капает вода,

где серебристой галочкой нечетко
на небе нарисован самолет,
где поезда стучат свою чечетку
и смерть, как ливень, по земле идет.

* * *

Уходит день за дальние поля,
вдали блестит моей звезды осколок.
Жизнь просится быть начатой с нуля,
и выхожу один я на проселок,

жуя ежевечерний бутерброд
рефлексии под ветра злую фугу,
и думаю, что я иду вперед,
иду вперед, а сам хожу по кругу.

А если так – то лучше не спеша
наговориться с грустной моею
душою, хоть слова «моя душа»
в который раз произнести не смею.

Душа моя – такая уж моя?
Не видно мне, о Господи, не ясно,
где Ты кончаешься, где начинаюсь я...
Мне спрашивать об этом ежечасно,

и мне нести ответственность – за нас,
за нас с Тобой, поскольку Ты в ответе
за эти сумерки, за этот поздний час,
за эту тишину и звезды эти,

за тень мою, что с темнотой ночной
уже слилась... И если я заплачу,
заплачешь Ты – Тот, кто рискнул со мной
и разделил со мною неудачу.

* * *

Нет, наверное, рай – это все-таки город, не сад.
Что нам делать в саду, где унылые сливы висят?
На посмертный гамак променять эту улицу? Нет уж!

Я в кафе на углу буду вечность свою коротать,
пригубив капучино, я с шелестом нежным листать
буду нашу земную – смешную словесную ветошь.

Если можно все книги с собой невозбранно в багаж
запихнуть, отбывая в последний и главный вояж,
если можно однажды обнять собеседников милых,

если с ними вдоль этих домов бесконечно идти,
в сувенирные лавки вторгаясь гурьбой по пути,
я поверю, что смерть – это только трава на могилах.

* * *

Какое безумье – на дачу зимой
приехать и в сумрак уткнуться немой
(как рано темнеет, однако).
Какое кощунство – войти в этот дом,
обложенный снегом и скованный льдом,
и сесть посреди полумрака

в доспехах из пуха и ваты – смотреть
на весь этот ужас и думать, что смерть
имеет фамильное сходство
с зимою (так страшен нетающий снег
на этих ботинках) – вот тут человек
теряет свое превосходство

над миром прирученным, дачным – таким,
каким он придуман тобой, городским
мечтателем, севшим в июле
на стул со стаканчиком морса в руке...
Но кто этот умник, в январской тоске
сидящий на этом же стуле?

Ниен

Усиьем воображенья,
на пыльный взглянув макет,
ты всё приведешь в движение —
и вот Петербурга нет.

А есть – городок у дальней
границы, за коей – сплошь
леса. Городка печальней,
наверное, не найдешь.

Кто в кирху идет молиться,
кто в лавку зеленщика.
В музейном тепле томится
пластмассовая река,

и в домик из пенопласта
спешит молодой герой —
его голова вихраста,
и шляпа его с дырой.

Еще не чужак Евгений,
но кто-то похожий – кто ж?
Его ты от наводнений
грядущих убережешь,

оставив навечно в этом
игрушечном далеке
овеянным невским ветром,
с любовным письмом в руке.

Аркадий Ратнер

63 года. Коренной петербуржец. Закончил Ленинградский государственный университет, кандидат химических наук. Стихи пишет с 2000 года. Член Российского союза профессиональных литераторов с 2010 года.

* * *

Дней суету забыть посмей.
Почаще приходи на место,
где славный конь, и мерзкий змей,
и Петр, хранимые ЮНЕСКО;
невесты, в черном – женихи
и в круглосуточном кружении
машины. Почитай стихи.
Наплюй на привкус поражения.

Слезась, ползет в залив Нева.
Гранитом берег облицован.
Да, демонтирован трамвай,
что в детстве вез на острова
через Труда и мост Дворцовый,

но это, право, ерунда,
прогресс бурлит. Все принимаю,
хоть жаль бесцельные года
и светлый праздник Первомая.

Восьмое сентября

Табло Московского вокзала.
Тут хочешь – падай, хочешь – стой.
Власть, видно, спяну называла
платформы, типа Невдубстрой,
куда на выходной поехал,
в райцентр Кировск на Неве.
Нормальный город, дочка Пьехи
в ДК там пела в январе.
Торчат пятиэтажек соты
южней медвежьего угла,
где брата маминого рота
вся в сорок первом полегла.

Купил сосиску в тесте, пиво
(все прочее привез с собой).

Два дворника с осенней пылью
вступили в безнадежный бой.
Кобель ухаживал за сукой,
ворона мне смотрела в рот,
размякшие грибы и клюкву
несли с Синявинских болот...

Путей назад, конечно, масса:
на электричке через Мгу,
автобусом по жутко тряской
старинной Шлиссельбургской трассе
(терпеть автобус не могу).
Я выбрал железнодорожный
мост, тот, что ниже над Невой:
с него до Ладожского можно
и через пять минут домой.

Монолог золушки

Маргарите Токажевской

Рожна какого фея мне сдалась,
приперлась и листом пристала банным.
Я терла пол. Я выгребала грязь
и распаковывала чемоданы.

В кастрюле булькал будущий обед,
вернее завтрак, а возможно – ужин.
На сайте перечитывала бред
от принца, не рискнувшего стать мужем.

«До смерти будешь в девках куковать?» —
как зуб больной под ухом фея ноет.
Я застелила узкую кровать
надушенной лавандой простынею,

велела фее: «Закругляй базар
и, уходя потом, закрой ворота».
Она росой плеснула мне в глаза,
и захотелось плакать отчего-то.

* * *

Разыскал в сундуке – саркофаге,
где хранятся ненужные сны,

пару строк на обрывке бумаги
из карельской столетней сосны,
в щелоках не единожды верченной,
чтобы выглядеть гладким листом:
«Жизнь из девочки сделала женщину.
Собирался писать не о том:
о катарсисе, то есть о совести,
но иначе сложились слова...»

Героиня распавшейся повести
до сих пор, я надеюсь, жива,
любит утром заваривать «Мокко»
и мои ненавидит стихи.
Надо выбросить хлам на помойку,
но сегодня опять не с руки.

Василий Евгеньевич Русаков (1958–2010)

Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Жил в Петербурге.

* * *

Если что останется, то не дети,
И не внуки-правнуки, жалко всё же...
Но стихи, и может случиться, эти,
Что тебе других в этот миг дороже.
Впрочем, не загадывай и не пробуй
Предсказать... молчу, говорю – куда мне?
Нужен ли им памятник меднолобый?
В лопухах тропа иль тропа на камне?
Косари придут и в твою Пальмиру,
Пропадут славяне-евреи-греки...
Но поди верни, Аполлону лиру —
Приросла к рукам, приросла навеки...
Ничего, что звуки не слишком громки,
Но и тихий звук нестерпимо жжётся.
Не меня – простите других, потомки...
Если что останется – то пожрётся...

* * *

Я сказал – уходи! И ушла она,
Провела на вокзале ночь,
Потому что потребовала жена,
Потому что и сам не прочь
Проучить бездельницу, воспитать,
Потому что я старший брат,
Потому что... Как много пришлось отдать
За непрочный семейный лад!

А она простила меня, она
Говорила мне – ты поэт,
И когда б не потребовала жена...
А с тебя, мол, и спросу нет...
Годы лица отметили той резьбой,
Что не красит... и где семья?
Я не знаю, что сделал бы с тем собой,
Я не верю, что это я.

* * *

Она сбегала вниз, не тронув перил,
Она мне казалась чудом в шестнадцать лет,
Ах, как я любил! Сам не знал, как же я любил...
Хотя намекал, но заранее знал ответ,
Вернее, ответа и не было, так – ха-ха,
Танцульки-свистульки, последний десятый класс,
Я пел под гитару и врал и давал петуха,
Она всё терпела, и это сближало нас.

Потом институт, разлука, я был пленён
Советской армией и увезён туда,
Где жизнь засыпает и нет никаких имён,
Лишь номер на бирке, но время бежит, как вода,
Два года мелькнули, мне было не жалко их,
Вся жизнь впереди, и бессчётен годов запас,
И мир, представлялось, был создан для нас двоих,
Она соглашалась, и это сближало нас.

Потом мы разъехались снова на много лет,
Она вышла замуж, не сразу, а так к тридцати,
Детей родила – пребанальнейший, брат, сюжет,
И всё хорошо, даже в гости зовёт – заходи...
И я захожу, и на кухне сижу, как гвоздь,
И глаз не свожу с её чёрных восточных глаз,
И муж её, славный мужик, меня видит насквозь
И потчует пивом, и это сближает нас.

* * *

Царь, который носит две короны,
Тот, чья пирамида высока
И крепки оплоты обороны —
Лотосы, папирус и река...

Ты ли, целовавшийся с богами,
Имя, словно в вечность, в камень вбил,
Разглядев и небо под ногами
В черепках разграбленных могил?

Ка твои кружатся в хороводе.
Кто есть ты – навряд ли отличу...
Я всего лишь следую природе,
Как душа по тонкому лучу.

* * *

Берег, пресный речной прибой.
Всё, что имею, ношу с собой:
Осени рваный флаг,
Ветром простреленный наповал,
Лес, потерявший своих запевал...
Что-то со мной не так —

Мир оказался, как кегля, сбит,
Сдвинулось небо с бетонных плит,
И пилигримом я
Трогаю край, а за краем — твердь.
Кто-то твердит мне: не смей, не смей!
Здесь всё ещё земля.

Здесь, на краю, есть тростник, камыш,
Здесь ты ещё говоришь, стоишь,
Слушаешь, видишь свет
Серого неба, речной воды,
Здесь не бывает такой беды...
Да никакой здесь нет.

* * *

Помню, что ветер пригнал грозовые тучи.
Помню, что это было намного лучше,
Чем сплошная жара и асфальт текучий,
Впрочем, любая погода — несчастный случай,
Особенно в Петербурге, её капризы
Протыкают крыши, сносят долой карнизы...
И я проживал под этим слепым, проточным,
Укрыт от мира только зонтом непрочным.
Я становился тем, чем ты хотела,
Я появлялся там, куда глядела
Ты, и когда в темноту плутоныю
Протягивала ладонь, я был ладонью...
Ладно, прости цитату, я — вор и циник,
Жизнь обожгла, едва разменял полтинник.
Вот и тяну под чужую дудку свои печали,
Лишь бы слова звучали.

* * *

Припадочная зима не сулит добра,
То в плюсе она, то в минусе. Лихорадит
Прохожих, они скользят вдоль домов с утра
До вечера и теряются в снегопаде.
Твои холода пострашнее моей зимы,
Обильно посоленной серой дорожной каши...
Я помню тебя, я хожу в те места, где мы
Бывали, где ласковой ждали тьмы...
Но выбрал тебя жених посильнее наших.
Он просто пришёл, безответственно, наобум,
Не зная отказа, не зная тоски и муки...
Так что же я чувствую, чем наполняю ум,
Уверен, что нет никакой, никакой разлуки...

* * *

Восьмой этаж. Крутая лестница,
а лифт сгорел. Сойти с ума!
Естественный порыв – повеситься
остановило понима...

что так и так однажды сдохну,
как Сартр и Сальвадор Дали,
что ингалятор, данный доктором,
навряд ли сильно отдалит

смерть, может, сделает комфортной,
и буду выглядеть вполне
достойно на последнем фото.
Знакомые до посине...

сто раз повторяют без иронии:
«Поэт и кандидат наук»,
и женщина слезу уронит,
шинкуя под селедку лук.

Директор фирмы выдаст ссуду
на черный бархат или шелк.
Отмоют грязную посуду...
Благополучно до абсурда
и вашей двери я дошел,

забрался на восьмое небо,

как ангел или тать в ночи.
«Давно у нас в квартире не был.
Вот, заскочил вернуть ключи».

Владимир Бауэр

Родился в 1969 г. в Тбилиси, с 1986 года живет в Санкт-Петербурге. Автор трех поэтических книг («Начало охотничьего сезона», «ПАПА РАЦИЙ», «TERRA CIORANI»), участник международных и российских поэтических фестивалей и конкурсов, неоднократно публиковался в различных литературных журналах и коллективных поэтических сборниках.

* * *

Моя муза ездит на «мазератти»,
по ночам бухает на грязных пати,
доползает едва до моей кровати.
Ни словца не добиться, одно мычанье.
Не пора ли суровой начать лечение
прозой, спрятать шампанское и печенье?
Жаль беднягу: штук двести – и что ж, что мёртвых? —
родила стихов мне, все в муках, в спёртых
вдохновением тиглях, котлах, ретортах.
Никогда, бездыханный плодя детинец,
не шептала в бреду: «Сумасшедший немец.
Слаб твой дар, убог, так сказать, с мизинец».
Аль не знала, когда оставалась греться?
«Хочешь жить, – острит, – так умей иметься,
а сумев, добела умудрись отмыться».
...Что, когда за плечами гудят руины,
станет делать прошедший до половины
путь напрасный?
Не резать же, право, вены,
вспоминая мерзавки душистой крики
над костром (прежарки его языки!),
над амбарною книгой смежая веки.

* * *

Во мне живёт воспоминанье,
а в нём живёт переживание,
в переживаньи тож живёт
какой-нибудь нелепый плод.
Вот так клубится бестелесый
и молчаливый мир во мне.
О нём прекрасно знают бесы,
все в вожделения огне.
Змеясь, вокруг меня оне
плетут хвостаты политесы.

Вяжу им мысленно хвосты,
чтоб, слабины не дав, забыться
упрямым сном. А в нём плоды
спасённые летят резвиться
бесовски чёрной близ воды.
Морзянка медлит, горн трубит,
гетера мудрая хохочет.
Ревёт, и стонет, и кипит,
и никого рожать не хочет
изнемогающий пиит.

А ты, моих седых оплот
Ночей, наездница-отрада,
зачем завести желаешь плод
из крови и соплей?
Не надо
бояться смерти так и ада!

Уж в нас они.

Стучат в живот.

* * *

Вот, вдохновеньем даровит,
но обделён талантом тщетным,
увлечь старается пиит
очей огнем и слогом бедным.

Грешно куражиться над ним,
но и внимать невыносимо.
Закройся поскорей, сим-сим,
лишь молишь, словно раб сим-сима.

Зачем вообще сюда...

А где
дышать надежде неподвижной,
прозрачной от житья в среде
непревзойденной, мёртвой, книжной?

А здесь и гендер, и гормон,
и губ азарт, и плоти морок
витают с четырех сторон,
щекочут переборки створок.

И что ж, что нету на земли

таланта?
Мир и сам бездарно
устроен. Сколь его не зли —
в горсти сжимает благодарно.
Дыши, терпи, кривись, вбирай
флюиды чёртовы.
Лопатки
до тошноты набей, и в прятки
бодрей с монадами играй!

Лора

Зимою открываю форточку,
впускаю воздух, чтобы пах,
и подставляю снегу мордочку —
аж прямо иней на клыках!

С любимым вечер, слаще патоки,
вдруг вспоминаю хищным телом
(он предложение мне так-таки,
как ни стонала я, не сделал).

Весна уж чувствуется в скукоженном
промерзшем воздухе из фортки.
Ах, помню, в приступе восторженном
я все его сожрала фотки!

Кому теперь вилять с приязнию
тугим хвостом?
Поджавши оный,
удрал мил-друг, пропал за Клязьмою,
забыл мой облик лунно-лонный.

Ловлю снежинки, обреченные
на смерть в камере с батареей...

Зачем сердца ожесточенные
с моей душою-лорелеей
играют в эти игры зверские,
беспечно мчат на рифы страсти?!

На мой золотой лобок плебейские
слюнявые раззявив пасти.

* * *

Ах, кто бы дырочку протёр,
в которую верблюд с иглою
следит, горбатый вуаёр,
как дерзкий Дафнис клеит Хлою.
Прикидываясь тюфяком,
ласкает как бы неумело...

Трепещет Хлоя мотыльком,
не умолкает филомела.

Верблюду хочется.
Хотя
сквозь пыль античную детали
протискиваются, кряхтя,
а вздохи – те совсем застряли.

Так у небесных райских врат,
куда верблюд иглу дотащит,
сей низкой жизни аромат,
в ушко не просочась, обрящет
тоску животную, и стыд
взамен овечьей неги лона,
да на загон – для Аполлона
предавших – выморочный вид.

Памятник (сиквел)

Ты не отвертишься от вечности своей,
она верна без колебаний.
Согласных суета и слово-воробей
не избегут её лобзаний.

Как смыслы ни тумань, как в терниях ни тырь
напрасный и случайный дар свой —
найдёт и ясности безумной нашатырь
вручит: живи со мной и царствуй.

С опаской, нехотя, не горячась ничуть,
томленью грозному покорен,
мнёшь трансцендентную, немислимую грудь,
в угрюмой нежности проворен.

Всплывает с грохотом название корабля,

кадабру коего не всякий спишет школьник.
Заиндевет детскосельская земля,
когда по ней нечести вольник,
зело ослабившись, прошествует, ища
упруго-ветренной податливой поживы,
не лавра хрупкого, но грубого плюща,
объятя чьи смертельно лживы

(как все слова на свете).

Ирина Остроумова

Родилась в Ленинграде. Образование высшее гуманитарное. В 2007 году окончила курсы «Литератор». Печатается в различных некоммерческих изданиях Петербурга. Автор-исполнитель песен (стихи, мелодии).

* * *

Опустел поселок. Гололедица.
Дачников крикливых не видать.
Покрывало белое расстелется,
И под утро стану замерзать.

Не протопишь душу. Но старается
День приветливый устроить благодать...
Каждый год душа в предзимье мается,
Пряча частность в общую тетрадь.

Может, кто хороший присоседится
Хмель мой на две чашки разливать?
И тоска, как старая медведица,
Побредет подальше помирать.

Слива первая

Сентябрь созрел. Он цвета спелой сливы,
Налет белесый, как туман в полях.
Мне плакать не идет – я некрасиво
Кусаю губы. Этот вечный страх,

Что не успею надышаться летом,
Не удержу жар полдня на щеках,
Тебя не сохраню... Из-под запрета
Слова поспевшие, что сливами в горстях,

Вот-вот просыпятся: доверчиво нагие,
Белесые, как этот странный дождь —
С пришедшим снегом... До смерти живые
И сочные... И ты их подберешь.

Слива вторая

Прощальная слеза для бензобака,

Пуста канистра. А мотор уж не слышать.
И ввечеру соседская собака
Придет со мною лето отпевать.

Поголосим. Намажем хлеб вареньем,
О, Господи, мне ж сливы перебрать...
С ней, непривязанной, я поделюсь сомнением,
А смысл какой собакам к ночи врать?
Что за напасть моим ваняткой движет?
Под зиму расставаться так нелепо...
И сука-ночь краюху дня долижет
Как жучка славная – варенье с хлеба.

* * *

Птица серая заплакала
У оврага на краю...
Навидалась в жизни всякого,
Перед осенью стою.

Солнце к западу наклонится,
Охладит реки купель.
Красота рукой дотронется —
Запоеет души свирель.

Я печаль из дома выгоню,
За бедой закрою дверь.
И, как девушка на выданье,
Буду справна я теперь.

А в ночи к оврагу выбегу,
Загляну судьбе в глаза.
И тебя для счастья выберу,
Кто бы что бы ни сказал.

Кира Грозная

Кира Грозная живёт в Санкт-Петербурге. Кандидат психологических наук. Участник ЛИТО А. Г. Машевского с 2003 года. Автор двух изданных книг стихов и прозы. Публиковалась в таких печатных изданиях России и зарубежья, как «Чехия сегодня», «Смена» (Беларусь), «Аврора», «Новая Юность», «Молодой Петербург», «Наша улица» и ряде других.

* * *

ничего не хочется ничего
дверь захлопнется и короткий стук
попытожит всё что пришло ушло
незаметно выскользнуло из рук

внешний мир отрезан глухой стеной
внутренний мой мир не тобой живёт
я осталась здесь ты теперь с другой
стороны находишься меня от

иногда обрывки каких-то нот
долетают под скорлупу извне
ты теперь находишься меня от
по ту сторону
и мы больше не

Меланхолия

клеточек крови порченной, ядовитой, чёрной так много
накоплено на вселенском генетическом файле
что с трудом отличишь гениальную кровь больного
депрессией Ларса фон Триера – от крови богини Кали
не отрываясь, смотрим последний киношедевр
в иллюминатор DVD-плеера на цветном одеяле

там Меланхолия, беспристрастная и чужая планета
заслоняет героям половину воспалённого небосвода
нам она заслоняет половину маленького экрана
смотрим с паузами, не желая триеровского исхода
а может, паузы «на кофе и объятия» важнее нам
чем сострадать героям, болея «эстетикой ухода»

...всходит гаснущая планета над матовым небосводом года...

Съёмка

Вспомнилась песня, которую пела мне в детстве няня,
Что, растревожив душу, всю ночь не давала спать.
Около дома – сын мой и мальчик соседский Ваня
Авторский видеофильм снимают, под завывания
Некой певички, которую, впрочем, не грех не знать

(Слабенький голосок не тронет и не пронзит до почек,
Разве что есть у певички потребность по-бабьи взвыть).
Камеру твёрдой рукою ведёт сыночек.
Катится солнечный диск в заповедник ночи.
Лето прошло; впору думать, как дальше жить.

Сын объектив направляет на младшего брата.
Тот корчит рожи, смеётся: кастинг прошёл – и рад...
Возле канавы растут, как трава, маслята.
Тренькнул мобильник: на карту пришла зарплата
(Или твоё эсэмэс? Это лучше, чем пять зарплат).

Здесь, в садоводстве, время стоит болотцем,
Хоть изменился участок: исчезли турник, огород...
Здесь я назад лет десять... Нет, память в кулак, бороться
С прошлой собою, держаться, не падать на дно колодца,
Всё, что запишем на камеру, не умрёт.

Выйду во дворик. Вечер, сарай, соседка.
(Дома – фонарь, аптека). В бочке дрожит вода.
Яблоня, вишня, колодец, брезентовая беседка.
Голос ребёнка: «Мама, ты, чур, людоедка!»
Главное – это быть в кадре; роль навяжут всегда.

Дневной сон

Сонная одурь сегодня сильнее меня.
Сплю до полудня, свою проклиная лень.
Есть роковая черта в середине дня,
После которой понятно, к чертям ли день
Или в копилку...
Осень уже живёт
В этих местах, роняя цветную сыпь
В смешанный лес, неровную топь болот.

...Ночью над садоводством кричала выпь,
Птичка невзрачная, с голосом силы той,

Что отбивает сон, и казалось, так
Пьяная шваль голосила над пустотой
Пропитой жизни.
Катилась луна в овраг,
Небо чернело разбавленной ваксой, звёзд
Россыпи еле проглядывали сквозь слой
Из облаков и ваты. Прожгли мой мозг
Пьяные причитания над пустотой...

Осень-уборщица перебирает хлам.
Снится параграф научной работы. День,
Преодолев черту, потечёт к чертям.
Сплю до полудня, свою проклиная лень.

Межсезонье

Зима на этот раз не заблудилась,
А поняла: никто её не ждёт.
Дождю и сплину отдалась на милость,
В пруду в Удельном парке утопилась,
И нет зимы, а мы – явились, вот.

В промозглом межсезонье, междуречье,
Как на меже распаханых полос,
Стоим на стыке жизней человеческих,
На перепутье, если в просторечье,
Куда идти, не задаём вопрос.

А в призрачном вчера горластый ветер
Кричит, и звук бежит по проводам,
О том, что грань тонка, и так же светел
Июльский вечер, что флажком отметил
Маршрут особый, неподвластный нам.

И мы сменили курс, и бездорожье,
Приняв безмолвно, скрыло нас в ночи,
Где след петлял и таял у подножья,
И галки пели песни скоморошья.
И мы дошли – незванные, ничьи.

Елена Литвинцева

Родилась в Ленинграде в 1973 г. Закончила СПб Академию аэрокосмического приборостроения в 1996 г. (по специальности не работала). Издала книгу «Белый шум» в 2008 г. С 20.12.2012 состоит в Союзе писателей Санкт-Петербурга.

* * *

Уж корюшка пошла от северных морей,
Черёмуха цветёт – пока теплей не станет.
Звони мне иногда, известиями грей,
Что жив ты и здоров, хоть безнадёжно занят.
Как горько понимать, что занятость твоя —
Не занятость, а лишь удобная личина.
Какая может быть средь краха бытия
Любви не удержать весомая причина?
Но слить в единый вихрь я, видимо, смогу
Шальные в голове и северные ветры.
Я в память о тебе под вечер пробегу
На старом пустыре сырые километры.
Я в память о тебе и мысли, и стишки
В порядок приведу, густую пыль повыбью,
И корюшки куплю, и, выдернув кишки,
Я съем саму весну, вдыхая душу рыбью.
Спасибо, дорогой, за то, что понесло
Меня течение вверх, за то, что сумрак редок.
Черёмуха цветёт – желание светло
Нечётное число сорвать душистых веток!

* * *

Про пустяк, про песок в пятерне
Песню тихую шепчешь, Создатель.
Видишь, сын мой плывёт на спине,
Сам себя на воде открыватель.
То боится, что дна не достать,
То забудет о дне и о страхе...
Так однажды душевную гладь
Растревожат глубокие взмахи.
Вспыхнет мир – на волны гребешке
Ярких зайчиков новый десяток!
А пока на горячем песке
Исчезают воронки от пяток,
В сонном небе плывёт на спине

Конь крылатый и в точности знает:
То, что нынче мелькнёт в тишине,
Без следа не растает.

* * *

Что за жизнь пошла? До-ре-ми...
Ни ля-ля тебе, ни гу-гу.
Встречу – руку подам, сожми
То, что выразить не могу.

Всё оборвано на корню,
Даже ягодки ни одной
Не созрело. Похороню
То, что было тобой и мной.

На дороге поверх столбов
Неба стылые кружева.
Как ответить мне за любовь,
Что теперь уже не жива?

* * *

Ты остался без ласки моей,
Я вчера соблазнила другого.
Мне так жаль тебя стало, ей-ей,
Не найти подходящего слова,

Чтобы выразить этот облом,
Что с тобою вчера приключился.
Птица счастья махала крылом,
Тихий город в снега облачился.

Я свои приключения коплю
Как на старости лет Казанова.
Я от жалости снова люблю!
Видит Бог – я люблю тебя снова!

* * *

Видно, Бог мне выдал не много сил,
Хоть и кое-чем одарил.

Чаще чёрт по свету меня носил
И в парадной со мной курил.

А теперь уже невозможный хмель
Всё тусклее и всё нужней.
Ну а чёрт не хочет делить постель
С перезрелой тоской моей.

* * *

Я вышла в пять утра в туман,
Летела птица над дворами,
Сидел на лавке наркоман,
Несло душистыми парами.

Седой мужик вошёл в подъезд.
Наверное, ночной рабочий.
Я десять лет из этих мест
Не выезжала – дом не отчий,

Но всё-таки уже родной,
Такой таинственно-чудесный.
Тогда, в июньский выходной,
Пока был бледен свет небесный,

Хотелось засолить грибы,
Как будто осень наступила,
Как будто я в делах судьбы
Незнамо что поторопила.

Поплыл, поехал мой туман.
Носились птицы влево, вправо.
Летал над лавкой наркоман,
На свой туман имевший право.

* * *

Лягушек не трогай – смутятся верхи,
И горьким окажется дождь.
Бывают такие слова и стихи,
Которые вряд ли найдёшь.
Колибри такого калибра, что их
Едва ли заметишь. Мигни —
И нету ни крылышка. Вечен и тих
Твой поиск, нездешни они.

Есть вещи, которые глупо пилить,
Медузы, которых не взять,
Медведи, которых нельзя шевелить,
И музы, которых нельзя.

* * *

В лексической битве среди песен земных
Мне так захотелось свиных отбивных!

Шипящая мякоть запрыгнула в рот.
Желудок душе никогда не соврёт:

В трудах ли, слезах ли, на нервах одних
Ничто человек без свиных отбивных!

Дибуны

* * *

Кровать. Будильник. Голосок
кошачий за стеной.
Метро. Работа. Марш-бросок —
и ты уже иной.

Уже под мышкою бревно,
глаза как две луны.
Ах, как давно ты, как давно
Не ездил в Дибуны!

Невероятно даже то,
что ты сегодня тут.
Исчез твой город-шапито
за несколько минут.

Как удивляет время нас!
В чудной заводит сад.
То украдёт какой-то час,
то вдруг вернёт назад.

В пространстве тоже много дыр.
Без цели в них залезть
то попадаешь в странный мир,
то всё опять как есть.

Когда на трассе ни одной
машины, хоть кричи,
вдруг воплотится транспорт твой
из воздуха в ночи.

И ты помчишься – херувим,
сгустившийся чудаки.
И будешь думать, что с одним
тобой бывает так.

* * *

Не монументы и не фрески...
Не купола возведены.
По обе стороны железки —
В тумане ночи – Дибуну!

А рядом лес. Нырнёшь чуть дале —
И воздух полностью иной.
Твои промокшие сандали —
Ничто пред влажной тишиной.

Пройдём по верхним и по нижним,
По левым, правым Дибунам —
Поверит сердце еле слышным
Ручья осеннего тонам.

И в чёткий образ не облечь то,
Что ощущаем ты и я:
Дибунское сырое Нечто,
Туманный сгусток бытия.

* * *

Все перейдя душевные пределы,
Становишься свободен и смешон.
Довольны волки, да и овцы целы.
Сидишь один, не лезешь на рожон.

С покойниками запросто болтаешь
И будто слышишь их язык живой.
В пучине Интернета заплутаешь,
Как бы уйдя под воду с головой.

Становишься неярким и неброским,
Невидимым друзьями и детьми.
Стихов твоих недавние наброски —
Неясный сон, мираж, туман в Перми...

Наталья Некрасова

Родилась в 1977 году в Ленинграде.

Окончила Российский лицей традиционной культуры и Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Художник миниатюрной живописи, культуролог.

Участник семинаров Л. Л. Фадеевой и А. Г. Машевского. Публиковалась в литературных альманахах «Колпица», «Двадцать пятая верста от Санкт-Петербурга», «Михайловский замок», Inkerin Uutiset, в журналах «Новый мир» и Pelican, соавтор Russian-American Anthology-1994 (St. Petersburg, Florida – St. Petersburg, Russia).

Старателю

Сверху – взгляд всегда невидимых сов.
Воздух весок, в нём и гарь, в нём и прель.
Под молчание канадских лесов
в Наггет-Крик идёт на нерест форель.
Лунный свет наколот в кубики льда,
притуманен, вдет по блёстке в проток.
Втиснет скрипом рыбьих спинок вода
ночь в оставленный до завтра лоток —
и намочит медно-бурую горсть
донных, плоских (с небольшой аманит)
юрких камешков...
А сверху – от звёзд —
для загадки пух совиный слетит.

* * *

Я вижу осень долгим продолженьем
для слов: «Четверг.
На стёклах мокрой дачи...»

Там все уехали, а в отраженье
обратно шли часы какой-то миг:

перебирая вмятинками бурыми,
катилось яблоко,
и дождь накрапывал,

и шахматными белыми фигурами
играл старик.

* * *

Горечь капель налитых.
Смерть – пустое: сны-обманы.
Как в другие океаны,
Уплывают за туманы
Рыбы листьев золотых,
Словно осень не про них,
А они легки и жданны.

Вышел дождь косой и частый
Размывать дорогу к дому.
Умер вереск незнакомый:
«Спи-усни!» – пора к другому.
С той же нежностью причастной

Эта сонная вода
В зачарованные ночи
Травы гладит, камни точит.
Разве сердце что-то хочет,
Заглядевшись в никогда?
...К сердцу дома – ни следа,
Островка земли непрочной.

* * *

Что изменилось? Да просто
лето ушло синее.
В мелкой речке
из лунного света остров.
Холодные струи
лучей звёздных
чертят косые линии.

Из августа
даже присниться поздно.
Повзрослевшие листья
тесней прижались
к наболевшей ветке,
но не остались:
каждый лист – роздан.

Не отпускать,
не слышать,
словно не ждать тебя.

Но упрямо верить
в пустом вагоне,
что всё излечит
осенний холод —
светофор птичий остроконечный,
зеленью звёзд-свечек
темноту дробя.

Николай Неронов

Родился в Ленинграде в 1970 г.

* * *

Девять недель с половиной, наверное,
это для долгой, счастливой,
а для обычной достаточно и четырёх,
чтоб познакомиться и разругаться могли вы
с самой красивой и умной из этих
брюнеток, блондинок, дурёх.

Если глубокое чувство, как обморок,
дольше обычного длится
и с каждым днём ты всё меньше и меньше похож
сам на себя и, как месяц худой, бледнолицый
в липком тумане с ножом одиноко,
пугая прохожих, идёшь,

значит, ты выпал не то чтоб в осадок,
а вышел из лунного цикла
и под воздействием нейротрофинов и звёзд
всё принимаешь как есть, что бы там ни возникло,
даже обиду и глупость чужую
используешь: в собственный рост.

Только от этого толку немного
и радости нету ни капли —
весь этот опыт готов променять на одну
встречу внезапную, как новогодние залпы,
чтобы рассыпало сверху на голову
жёлтой соломы казну.

* * *

Больше никаких любовных писем,
только эсэмэски в телеграфном
стиле — без тире, без точки... просто
пауза, бессмысленное «мбда» —
потому что, если независим
в выборе любом и равноправном,
можно сочинить и девяносто,
сто стихотворений без труда;

весь вопрос, как удержать словами
то, что так и просится наружу
и течёт, как хочет, – прохудились
вроде бы надёжные мехи.
Что бы в них теперь ни заливали —
всё в конце концов стекает в лужу,
как бы ни был ручеёк извилист,
а уста останутся сухи.

* * *

Набраться наглости и написать: в России —
как будто уезжал за тридевять земель,
как будто ждут тебя, как будто бы просили
откуда сообщать, куда же ты отсель.

Не так и далеко и ненадолго ездил,
и можно рассказать и можно позабыть,
зачем и почему подумал невзначай,
что очень может быть среди больших созвездий
горит и горяча кому-то, но кому?

Ещё не высушив промокший скарб дорожный,
а фотоаппарат достать из рюкзака
и выставить фотоальбом неосторожно
для всех, для каждого — с какого огонька?

* * *

В тот самый момент, когда кажется — всё:
На всё, что задумал, на то и решился,
И ветер в открытое море несёт,
И парус, как наволочка, округлился.
И в этот момент, когда кажется: миг —
И недостижимое осуществится,
И можно успеть между скал напрямик
Пройти там, где только что крикнула птица.
И что это было? И кто нас вознёс
Так непредсказуемо остервенело
Под самые веки трясущихся звёзд
И вытер утёсы тряпицею белой...

Микросхема

Хотя бы что-нибудь большое
Или тяжёлое, а то,
Наваливаешься левшою
И впаиваешь в решето

Какую-то мадам Петрову
Под бок такому же Петру,
Под грохот, этот шум портовый,
Кровоточащий поутру.

Безрезультатно жалом тычешь
В расхлябанную колею —
Вот так и слепнут сотни тысяч,
Цепляясь к инобытию.

Но ей, мятежной, нет покоя —
Пока отсутствует уют,
Ничтожной капелькой припомя
Опять к земле не прикуют.

Сергей Николаев

Родился в 1966 г. в Ленинграде. Служил в армии, работал на стройках и в экспедициях, был рабочим на заводах, дворником, продавцом, рекламным агентом. Сейчас живёт в маленьком лесном посёлке под Выборгом.

* * *

Где парус неспешно плывёт в синеву,
где скорбный молчит кипарис,
на древних камнях Херсонеса траву
колышет полуденный бриз.

Там я на понтийскую даль объектив
Бог знает зачем наводил.
Волна шелестела, на брег накатив.
Что было? Что будет?.. Забыл.

Забыл я, откуда приходит беда
в Поволжье и северный край.
Мне только зелёная долго вода
вослед лепетала: «Прощай!»

Но тронулся поезд, и ветер степной
опять волновал ковыли,
как воды морские, волну за волной,
а вечером звёзды цвели.

О, как этот сад молчаливый потряс
тисненьем своим золотым!
За нами, казалось, пускаются в пляс
и шпалы, и рельсы, и дым.

И время, казалось, подобно струне,
и тьма целовала стекло.
И если бы не было Бога, то мне
пришлось бы придумать его.

* * *

Вот сидят у сельмага Антонов небритый и Вовка,
третий день погружённый в лиловую дымку запоя.
На скамейке пузырь и китайской фигни упаковка.
Сосны тихо шумят, над речушкой извилистой стоя.

Не продраться сквозь эти навек непрорубные чащи
в изнурительных поисках полубезумного смысла.
Но, когда я люблюсь на грустных людей одичавших,
начинает казаться, что Бог не напрасно трудился.

Что-то в них остаётся – какая-то тонкая жилка
между миром животных и чистого разума светом.
И у Вовки стакан не дрожит, и витийствует пылко
мутноглазый Антонов... И оба как люди при этом.

* * *

На этой сомнительной, грустной земле
и банка гнилой баклажанной икры,
и спирта бутылка стоит на столе...
А есть во вселенной прекрасней миры?

Вот гость поднимается:
– Выпьем за тех,
кто знает всегда назначение своё!..
– Ну что же, и выпить немного не грех...
Но так заунывно снаружи поёт
метель и снегами заносит страну,
что хочется лечь непременно в салат
лицом и сказать:
– Протрезвею – начну
с каких-нибудь громких о счастье баллад:

«На этой сомнительной, грустной земле,
где спирта бутылка стоит на столе...»

* * *

Над уснувшим посёлком седые дымы,
а вокруг зимогорят медвежьи снега.
Говорили когда-то давно: от суммы
да тюрьмы зарекаться не стоит. Тайга
обступила нас тесно дремучим кольцом,
и автобус пропал на дороге ночной.
Лишь сосед забредает с дешёвым винцом,
говорит:
– Ё-моё! Тяпнешь, может, со мной?..
– Ну лады. По чуть-чуть... Чёрт его бы побрал!
Слишком холодно нынче у нас – на краю

самой трудной земли, чересчур серебра
по сугробам рассыпано в этом раю.
Здесь живут – не живут, но таких кренделей
выдают на-гора, что над этой землёй
никакие законы...
– Ну что же? Налей!..
– За любовь!.. – За неё! По одной!.. – По второй!

* * *

Посмотрела пасмурно: «Не бросай
никогда, ты слышишь!..» – «Не брошу, нет!..»
В небе слышен крик журавлиных стай,
а стемнеет – видится ход планет.

Кто, не знаю, там сочинил судьбу
нам обоим, брошенным в жернова.
«В Петербурге жить – словно спать в гробу».
Встанешь утром – белая голова.

Да такие мысли в ней бродят – жив
или нет – без доктора не понять.
Вот поедem, милая, на Залив,
разопьём на камушке лимонад.

А в кострище, ох, горяча зола
потому, что я, как последний бомж,
не найду ни хлебушка, ни угла.
– Ну давай вернёмся домой, Серёж!..

Сергей Семенов

Родился в 1979 г. Окончил факультет истории русской культуры ГУКиИ, публиковался в журналах «Звезда», «Северная Аврора» и сетевом альманахе «Folio Verso».

* * *

На стройке я, невольный каменщик,
Работал. Было лето жаркое.
Мои случайные товарищи
Вокруг меня слонялись, шаркая.

Меня и заработок радовал.
Был, помню, тоже рад отчасти я
Тому, что в эти стены вкладывал
Свое посильное участие.

Аж снилось, как кладется, месится...
Работал горячо и тщательно
Четыре с половиной месяца,
Пока не спился окончательно.

Ворчал прораб: достань и дай им все,
А им все пить... Меня расстроили,
Сказавши: больше не нуждаемся...
И зданье без меня достроили.

* * *

...И вдруг заметишь неудачным днем,
Дворцовый мост пройдя до середины:
Все в направлении движутся одним,
И оттого ты видишь только спины.

И проходя сквозь морозящий дождь
Под небом, оседающим на крыши,
Вдруг на мгновение быть перестаешь
Одним из тех, которые не слышат.

И в этой смеси грязи и тоски
Все, как один, толкущиеся возле,
Становятся понятны и близки,
Как никогда до этого и после.

* * *

Что воодушевляло?.. Пустяки.
Но жизнь другими пробуя глазами,
Я б не сказал, что я пишу стихи —
Стихи себя всё чаще пишут сами.

Они приходят словно бы извне,
Когда прижмет или когда досужно...
И не сказать, что это нужно мне
И вообще кому-то это нужно.

* * *

Качанье волн, летейский лад,
Волной смывается минута.
Так глубоко, что даже взгляд
Не возвращается оттуда.

Все, что от вечности хранит,
От приближенья, притяженья —
С волной граничащий гранит,
Проспект, домов нагроможденье.

Домов нагроможденье и
Повисшая в пространстве птица.
И отойти, и перейти,
И ничего не повторится,

Но не отпустит глубина.
И ничего уже не тронет
Души, качающейся на
Ее волне, как на ладони.

* * *

Где вдоль проспекта без просвета
Домов кубы.
Завод, и в небе сигарета
Его трубы.

Объезд движеньем захлебнется,

Блеснет металл,
И мост, как кошка, перегнется
Через канал.

Сил без оттока напряжение
В аду слепом,
Как будто замкнуто движенье
В себе самом,

И сквозь поток неудержимый
Кольнувший слух
Из проезжающей машины
Осколком звук.

Но дело движется. И кто-то
Читает мне
Что «...крепко заперты ворота.
А на стене...»

Слова вбиваются, как гвозди;
Не в этом суть:
Уже ничем и никого здесь
Не обмануть.

* * *

Ни давки из-за пустяка,
Ни толкотни машин.
Велосипедного звонка:
«Берлин-берлин-берлин...»

Звенит. Усилие ведет
И держит на весу,
Покуда цепь передает
Вращенье колесу.

Легко вращается – дави ж!..
Летишь, земли едва...
Мелькание реклам, афиш,
Слова, слова, слова.

Григорий Хубулава

Родился в 1982 г. Преподаватель философии. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

* * *

Он смугл и тощ, как ствол миндальный,
Вставая от немого сна,
Срывая саван погребальный,
Дрожит и плачет. Тишина
Врезается в глухие уши,
И свет глазам невыносим.
Он снова жив. Как могут души
Телам приказывать своим?
А вы едва ли сознаете,
В трусливой мудрости своей
Весь ужас воскрешенной плоти
И потрясение костей.
Так хочет прошептать спасенный:
– В чем пред тобой моя вина?
Вопрос, из гроба принесенный:
За что мне жизнь возвращена?
Молчит Мария, Марфа с ними
Дивится; но печален тот,
Чье возмутительное имя
Из адской пустоты зовет.
Как страшно, если той же фразой
Стремясь беспамятство прервать,
И мне воскликнет: «Выйди, Лазарь!»
Но не захочется вставать.

* * *

«Уезжай!» – будто просится слово,
За порог – убегай в никуда.
Каплей олова полуживого
В небе плавится молча звезда,
И ни с кем не прощайся – не надо,
Не дразни понапрасну печаль,
Вновь по встречной в бреду автострады
Прочь несись, выжимая педаль
До упора, – столбы вдоль бетонки
Вдруг сольются в немую стрелу,
Сквозь кошмар изнурительной гонки

Промелькнет светофор на углу...
Жизнь на вирши разменяна глупо.
В реку сонную света подлей.
Как юнец бестолковый из клуба,
Выйди в ночь отхватить пиздюлей.
Пьяный в хлам, безрассудный и храбрый,
Честным взглядом весь мир охвати,
Город, вновь, расправляющий жабры,
Темной ночью собьется с пути.
Незатейливой жизни начинка:
Пара строк под глухой барабан,
Если вечность, и правда, овчинка,
Значит, я, вероятно, баран.
Ветер в сердце врывается хлесткий,
Обжигая огнем пустоты,
И авария на перекрестке —
Оба всмятку, и оба – не ты.

* * *

Чем удивишь тебя? Ты знал и прежде
Набившее оскомину кино,
А что-то снова жизнь дает надежде
На то, что будет чудом спасено
Хотя бы вот изображение это,
Прозрачный на губах застывший стих,
Как детский крик, стихающее лето...
В краю, где звон и ни души в живых.
А что вокруг? Деревья и заборы.
Что с плотной темноты вечерней взять?
Кому приснятся наши разговоры
В последнем сне, где нечего сказать?
Тебе ценить и чувствовать пристало
Прозрачный сиплый снег, парадных грязь,
Туда, где перед ужасом финала
Нить голосов мирских оборвалась,
Ты ничего не заберешь с собою,
Тахометр застынет на нуле,
Хотя змеиной лентой голубою
Мелькнут вагоны в изумленной мгле.
И в горле жребий прежний встанет комом,
Стыд узкой плетью по щеке хлестнет,
В случайном кадре, будто бы знакомом,
Лицо, в тебя влюбленное, мелькнет.

* * *

Я – город, разрушенный бомбардировкой,
Обстрелами, штурмом жестоким и мором.
Я – город с часами на каменной башне,
Я – взорванный город.
Когда надо мною враги расправляли
Железные крылья сквозь сумрак и пепел,
Трещало по швам воспаленное небо
И кашляло громом.
С ворот позабытое стерто название
Мне бывшее именем. Слышите эхо?
Я – Дрезден, Иерусалим, Злата Прага,
Париж, Хиросима.
Стучали незримо во мне барабаны,
Часы постепенно, как сердце, умолкли,
Меня оглушили, дробили, ломали
И с грязью мешали.
Но я догорал, вновь и вновь повторяя,
Пусть даже никто не услышит, – неважно:
Покуда останется целым хоть камень,
Хотя бы песчинка, я – не уничтожен.

* * *

Здесь, за четыре моря вдали от дома,
Тыкаясь в пятое носом, как в сыр лиса,
Снова не верю тому, что уже знакомо,
Слепо молясь на незримые чудеса.
Тысяча слов притворится опять стихами,
Чтобы питать младенческую печаль.
Жизнь кончается просто, как чай в стакане,
Вода за окном мерцает прочней, чем сталь.
Значит, не бойся, душа, улыбайся шире.
Эта свобода нам тоже взаимы дана,
Просто смотри, как, словно жестянка в тире,
Нам из-за тучи покажется вновь луна.
И почему отовсюду ненастоящий
Мир обещаньем тепла обмануть готов?
А самолет, над пустыней в ночи летящий,
Светит чуть ярче полночной звезды волхвов.

* * *

Бороться с болью – бесполезный,
Докучный, неизбежный труд,
Как будто снова ключ железный
Бросаешь в омертвелый пруд,
И тонет ключ, почти беззвучно,
Скользя под тяжестью своей
На дно, где все благополучно,
Где, выражаясь ненаучно,
Ржавеет скарб твоих скорбей.
Но возвратится неизменно
Вновь ненасытная, как волк,
Боль, чтобы ты склонил колено,
И притаился, и умолк.
Пусть прежняя волна остыла
И схлынула – прими опять:
Без боли – так и прежде было —
Себя не можешь ты узнать.
Дух не удержишь в скользком теле.
И, гравитации каприз,
За ветром во дворе качели,
Взметнувшись вверх, ныряют вниз.

* * *

«Я не умею плавать...» – бросают в воду,
Так и стоят на песчаной седой косе.
Больше и больше – ого, собралось народу!
Смотрят, как выплывешь, должен ты стать, как все.
Знать наизусть те же книги и фильмы те же,
Плавать, как рыба, или – уж все равно —
Бегать других быстрее. Ещё в манеже
Учат нас этому: кто не сумел – на дно.
Да, говорят, что жизнь – непростая штука,
«Как же ещё научить?» – говорят они.
Этот – слабак, будет другим наука,
Хочешь дышать – дыши, а тонуть – тони.
Те, кто смотрели, как я бултыхался, хилый,
В жадной воде, где укрыла меня волна,
Учат других или тихо лежат в могилах,
Это – их отпуск, это не их вина.
Ночь наступила. Тесно в пустой кровати,
Я не в себе, но в других меня тоже нет,
Снова и снова я повторяю: «Хватит!»

Рама оконная делит дрожащий свет
Строго на полосы. Мир мой неровно скроен,
Здесь неудобно давшему слабину.
Я не умею плавать, я недостойн
Этого балагана. Тону. Тону.

Лито Лэти

Соредакторы: Алла Иосифовна Михалевич, Ирина Владимировна Знаменская, проф. Мария Евгеньевна Кудрявцева, Валерия Викторовна Тёмкина Аскольд Львович Шейкин.

Из стен ЛЭТИ вышли многие известные всему миру литераторы. Например, в ЛЭТИ учился председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Георгиевич Попов, председатель секции поэзии СП СПб, разделивший с Галиной Сергеевной Гампер премию им. А. А. Ахматовой, Александр Семенович Танков, замечательный переводчик Шекспира Сергей Степанов и многие многие другие литературные знаменитости. В ЛЭТИ училась супруга Виктора Сосноры Нина Алексеева. И мы, сегодняшнее поколение творческих людей, хотим продолжать вековые традиции нашей Alma Mater, касающиеся литературного творчества. В нашем вузе существовало не одно литературное объединение. Сегодня на встречи ЛИТО собираются не только студенты ЛЭТИ, но и члены СП СПб и Союза писателей России, ведущие участники «Союза писателей Ленобласти и СПб», просто интересные поэты и прозаики, не состоящие в литературных объединениях. Делятся опытом, помогают молодым. Руководит нашим литературным объединением замечательный поэт и ученый, член СП СПб, руководитель поэтического семинара в Доме ученых при Политехническом университете, доктор биологических наук Алла Михалевич, которая всегда и буквально с первого взгляда очаровывает всех своей культурой, красотой и удивительной женственностью. На ее занятиях царит такая светлая атмосфера творческого дружелюбия, какую можно встретить далеко не в каждом ЛИТО нашего города. При этом в нашем литобъединении полностью отсутствует какой-либо ценз образования или стартового уровня участника, в отличие от большинства других ЛИТО. Мы считаем, что стартовый уровень и талант участника – это вещи, никак не связанные между собой, и готовы учить каждого с нуля, бережно сохраняя зерна его

таланта, даже если участник пока еще косноязычен. В ЛИТО устраиваются также музыкальные вечера.

Литературное объединение СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (ЛИТО ЛЭТИ) в его современном виде существует с 1973 года. Оно было создано лучшим (по оценке А. С. Кушнера) из современных русских поэтов – Александром Танковым, когда тот был еще студентом третьего курса специальности «Прикладная математика». Танков и сегодня курирует наше ЛИТО, приходит на занятия, наставляет, делится опытом, рукополагает очередного консула (т. е. «старосту») ЛИТО, поскольку студенты взрослеют, а консулом может быть, согласно уставу, только студент ЛЭТИ.

В Санкт-Петербурге не много вузов, в которых работают литературные объединения.

В нашем ЛИТО над профессиональной подготовкой будущих литераторов работают пять человек:

- 1) доктор биологических наук, член СП СПб, Женщина года-2009 Алла Михалевич,
- 2) член СП СПб, замечательный, всем любителям поэзии хорошо известный поэт Ирина Знаменская (очень строгий учитель и столь же строгий борец за чистоту русского языка),
- 3) доктор педагогических наук, профессор кафедры связей с общественностью Мария Евгеньевна Кудрявцева (ведет занятия по психологии творчества),
- 4) специализирующийся на работе с начинающими поэт, член ЛИТО «Пиитер» Валерия Тёмкина (работает с начинающими поэтами по чрезвычайно эффективной системе Надежды Каменевой),
- 5) Член Союза писателей России, много лет руководивший секцией детектива, фантастики и приключений при СПР, Аскольд Львович Шейкин (проводит занятия по художественной прозе).

Мы приглашаем всех, кто интересуется искусством, критикой или просто любит слушать за чаем разговоры о литературе, на наши встречи и желаем всем творческих успехов и вечно нового счастья.

Алексей Королев

Окончил ЛЭТИ, ЛГУ и Европейский университет в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей Ленинградской области и СПб. Печатался в изданиях СП ЛОСП, ЛЭТИ, альманахе «Четверг. Вечер» и журнале «Изысканная словесность». Доцент кафедры инновационного менеджмента СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Серый волк

Я бежал, я как будто летел по дорожной пыли
Мимо терпких крушин и лиловых цветков иван-чая.
И соседские псы поравняться со мной не могли.
Я все таял и таял, все выше цветы замечая.

Уменьшаясь в размерах, я мчался быстрее и быстрее,
И протяжное время, гудя, подо мной прогибалось,
И ловил меня черным силком леший гиперборей,
И к воздушным рукам моим тихо подкралась усталость.

Я замедлил движенье и время, качнувшись назад,
Завертелось опять, я увидел резные палаты,
Древнекняжеский терем, орешник и яблони... сад,
И колодезь, и ковш, тот, что я уже видел когда-то.

И хотел я напиться, и все мне не взять было в толк,
То ли ковш серебрян, но воды и пьянее, и чище
Я не пил никогда, и откуда-то взялся вдруг волк,
Отраженьем глядит из воды, здоровенный волчище.

Как легко превращаться, а я-то ведь думал: обман —
Наши старые песни тотемной и преданной дружбы!
На крыльцо тихо вышел застенчивый княжич Иван,
Накормил меня, обнял и препоручил мне три службы.

Раздобыли мы всё, я еще обращался не раз,
И конем златогривым я был, мы ловили Жар-птицу,
И когда он поведал мне свой душевный наказ,
Я привез от Далмата-царя на спине Царь-девицу.

Мы простились так нежно, в мой хвост она ленту вплела.
Я опять побежал, ускоряясь, быстрее, чем комета,
Мимо синих лесов, и хвостом, как по глади стекла,
Заметая озера, почти что со скоростью света.

Я опять сокращался до точки, потом тормозил,
И вернулся назад, снова облик приняв человеческий,
Я прошел через сад и поднялся вдоль белых перил,

И присел меж родных, упиваясь течением речи.

И с тех пор я вполне убежден: наши предки могли
Обращаться, был опыт, тому доказательство – лента,
Что привез на хвосте я из Киевской Русской земли
И теперь демонстрирую еженедельно студентам.

Голубь

В раскрытую форточку голубь впорхнул
И, с лету ударившись об пол,
Полковником стройным уселся на стул
И честь по-военному отдал.

– Скажи, прапраправнук, достало ли сил
Тебе, хоронившему близких,
Когда подле Савичей ты возносил
Акафисты за Добронизских?

Просила меня твоя нежная мать,
С шестой полусферы взирая,
По норам кротовым порой залетать
К тебе из Господнего рая.

– О, мой прапрапрадед, так вот вы каков,
Отважный солдат-небожитель,
Лихой предводитель летучих полков,
Российских границ раздвижитель!

Поведайте, пращур, как туркам назло
Ходили вы в Адрианополь.
Сто двадцать пять тысяч бойцов полегло,
Но вами был занят акрополь,

И мир, триумфальный для русской земли,
С жестоким врагом подписали,
И в жертву Отчизне себя принесли...
Да всё либералы проспали.

Дог

Был дог пантерой в дымно-сизый час,
Был месяц под косой, звезда, поляна
И свежий вихрь ночной вселяли в нас
Зверей твоих, Артемис ли, Оксана?

И отрок прятался в шумящий вяз,
И вынимал фонарик из кармана,
На четвереньках лаем заходясь,
Как будто Аср при дочери султана.

Но отчего из бездны полусна
Вселенского мне светит та луна,
Как символ смуглой дочери Салгира,

И унесенный ветром детский смех
Звучит в обрывках фраз далеких тех,
И лает быстроногая Багира.

* * *

О, не отпускайте, опять замело...
Хоть пару минут, хоть свечой на сугробе.
Мне в ваших ладонях свежо и тепло,
Как будто опять в материнской утробе.

Откуда-то силы приходят опять
К вершинам блаженства и праздничной скуки...
Ребенком ревнивым в слезах засыпать,
Сжимая в руках материнские руки.

Знать, время уже наступает, пора
И мне юнгианской дорогой печальной
Туда, где за фьордом темнеет гора,
Закатным путем к моей точке начальной.

* * *

Один, возрев на женскую красоту, прославил при сем Творца и от
единого взора погрузился в любовь Божию и в источник слез. И чудно
было видеть – что для другого бы послужило рвом гибели, то для него
сверхъестественно стало венцом.

А. Ф. Лосев. Диалектика мифа. X. 2

Кто созерцает формы милых жен
Не с любованием, но с вожделеньем,
Тот Богом изначально осужден.
Душа его не подлежит спасенью.

Об этом нам поведал добрый Бог

Не только в тезисах Нагорной речи.
Об этом повествует каждый вдох
И каждый волос, падая на плечи.

Об этом же писал еще Платон
В папирусах прославленного «Пира»
И думал кипрский царь Пигмалион,
Ваяя формы своего кумира.

Король однажды Рубенса спросил:
«Ты сластолюбец, верно, и наложник?»
На это Питер гневно возразил:
«Нет, сир, тогда бы не был я художник!»

Максим Швец

Родился 8 декабря 1962 г. в Ленинграде – поэт, прозаик, теоретик стихосложения, литературный критик. Окончил мехмат ЛГУ. С 2001 г. – редактор в издательствах.

Печатался в «Царскосельской газете», газетах «Натали», «Всеволожские вести», журналах и альманахах: «Отечественные записки», «Сплочение», «Мариенталь» и др. Как критик пишет под псевдонимом «Ахрип Гултопты».

Автор шести поэтических сборников. Автор, составитель и редактор проекта «Новые имена СПб» (изд. «Реноме», СПб). С 2006 г. издает «независимую полемическую газету творческих союзов и объединений» «Гул толпы». Член СП Ленинградской области и СПб.

Сочинения: «Священное незавтра», 1994; «Технология русского стихосложения», 2002; «Касания мирам иным», 2003; «У подножия ромашки», 2007; «Сквозь время» (три поэтических сборника в одном издании), 2007; «Каменный век русской поэзии», 2008.

Портрет

Колючий волнец, полынь, лебеда...
Николай Гумилёв

Она красива?
Нет...
Она прекрасна?
Да!
Цветут в её стране
полынь и лебеда.

Там камышовых глаз
качает ветер взор,
где холод, серебрясь,
стоит перед грозой.

Там облетает снег
с деревьев – не листва...
Она красива?
Нет...
Она прекрасна!
Да!

Она вас любит?
Нет...
Она любима?
Да!
Щёк смугловатый снег
краснеет, как листва.

Неяркий тонкий рот
улыбчивее роз.

Как галочье перо,
блестит огонь волос.

Цветут гвоздик нежней
полынь и лебеда.
Она вас любит?
Нет!
Она прекрасна?
Да!

* * *

Вы все ещё в седле, мой генерал?
Что скажете? Мы празднуем столетье,
очередное; в вашу честь парад
на площади, фанфары и молебн.

Потом предполагается салют,
в час ночи гром курантов и гулянье.
Мы сбросились всем штабом по рублю,
ну те, кого ещё не расстреляли.

Отметим вашу дату по-людски.
Домой вернёмся датами со службы.
Да, хорошо бы войску выдать спирт,
мы знаем, что им большего не нужно.

Отечества спаситель и отец,
«разжалованный» мною в генералы
(ха-ха!) мне стоит только захотеть —
на юбилее вовсе вас не станет.

И всё-таки вы всё ещё в седле,
меняете обличия и речи:
то князь, то старец в рясе до колен,
то женщина, то фраер в медном френче.

Что скажете бойцам, мой генерал?
Изволите ли подданных заметить?
Нужны солдаты, чтобы умирать,
вас прославляя криками и смертью.

Что ляпнете? Всё то же, что всегда,
в течение всей истории планеты,
что слыхивал от Каина Адам,
что повторял не раз великий Ленин?

Династию Рамзесов или Цин
предложите нам в качестве свободы,
Имама, Далай-ламу вознести
прикажете как истинного бога?

Не лучше ли Перуна, генерал?!
Великий Пётр морем не гнушался.
Держава наша – флагманский корабль.
Мой адмирал, ещё вы у штурвала?

* * *

Жестокий ветер. Ветер перемен
швыряет градом, твёрдым и холодным,
в прохожих, кто укрыться не сумел
под крыши, транспаранты и полотна.

Ломает ветки, кроны шелушит,
и гонит шквалом старые газеты.
Жестокий ветер, ветер без души.
И люди ищут норки и лазейки.

Коробки, скорлупа и кожура
волной летят, вскипела мостовая.
Стою один под ветром, как дурак,
и заслонить лица не успеваю.

Вокруг шумит, автобусы идут,
гремят по жести градины тугие.
Трещит стекло, стволы скрипят в саду,
стоят безмолвно мёртвые богини.

Жестокий ветер. Ливень. Наворот.
Вокруг на целый мир – ни человека.
Я не решусь – назад идти, вперёд,
правее или, может быть, левее.

Жестокий ветер. Улица. Июнь.
Все запахи густы и ядовиты.
Колокола то плачут, то поют.
Сквозь шторы ливня ничего не видно.

* * *

С тобой просыпаться, как в тихом осеннем саду,

зарывшись лицом в краснотала вишнёвую ветвь;
лукаво и нежно на прутики лёгкие дуть,
на веки твои, как на бабочек чутких, смотреть...

чтоб крылышки их шевелились и солнечный луч,
как листик упавший, краснел у тебя на щеке,
чтоб бархатный воздух был влажен и сладко тягуч
и ласковый ветер спокойно над нами шумел,

чтоб ты улыбалась, глаза распахнув широко,
и тайна светилась рассветными звёздами в них,
и чтоб, раздвигая туман одеяла рукой,
тебя целовал я, как ветку к губам наклонив,

чтоб сердце щемило от радостной связи с тобой,
от щебета птиц, от журчанья проточной воды,
от крепкого кофе, от найденных ночью стихов,
от мыслей, что надо на время опять уходить,

с тобой просыпаться, как в тихом осеннем саду,
с тобой засыпать под доверчивый шёпот дождя
и знать, что ты рядом, ты будешь, когда я приду,
и знать, что ты будешь, в обыденный мир уходя.

Татьяна Лапина

Выпускница ЛЭТИ, активно участвовала в работе ЛИТО в 70-е годы прошлого века, стихи в разные годы публиковались в газете «Электрик» и в литературно-художественном альманахе «Руно» (2012).

У берегов Английского пруда

У берегов Английского пруда
На бликах солнечных покачивались лодки,
Ласкал портвейн студенческие глотки.
Мы были молоды и счастливы тогда.

На берегах Английского пруда
Теперь дорожки строги и линейны,
Сирень сиренева, а лилия лилейна,
Не рвать, не мять, не заходить туда.

По берегам Английского пруда
Траву равняют аккуратной грядкой,
Так и у нас по строгому порядку
Разложены десятками года.

В каких морях сегодня та вода?
И лодки те в каком уснули месте?
Какая разница, когда мы снова вместе
На берегах Английского пруда.

Рождество 2012

Заиграло, загуляло Рождество:
Белой скатертью похрустывает стол,
Ель в шарах, как на параде генерал,
В нетерпении подарки: не пора ль?
Загустела синева на небесах,
Опустила я печальные глаза:
Мой любимый на другом краю земли,
И бокал его шампанским не налит,
О его щеке грустит моя щека
В Рождество.
Как тянет холодом в рукав...

Как я провел лето

Вот и лето пролетело,
Проскакало, просвистело,
И песком прошелестело,
И волною протекло.

В сотый день с начала мая
Некто, губы поджимая,
Процедил, часы снимая,
«Ваше лето истекло».

Да. Оно качелью пело,
В небо, ухая, летело,
Кувыркалось, как хотело!
Пролетело – что за дело!
Хорошо – не проползло.

Декабри

Сергею Степанову, 2007, декабрь

Утро, вечер, понедельник,
Лето, Новый год.
От недели до недели
Стрелки жизни, что поделать,
Ускоряют ход.

Ты еще не стар, конечно,
Что там говорить,
Но уже ведешь поспешно
Счет на декабри.

Щелкнут счеты,
Спросят: «Кто ты?» —
Годы у дверей.
Ты ответишь: «Я и рота.
Рота декабрей».

Картина

Нарисуй картину —
Чтобы пахло морозом,

Чтобы кололись иголки
Синих еловых лап.
Нарисуй картину,
Чтобы небо беззвёздное
Осветилось тысячью
Маленьких ламп.
Нарисуй картину —
Чтобы в синий вечер
Затаили дыхание
Двое в трепетный час.
Нарисуй картину,
Чтобы верилось в вечность,
Чтобы знать, что счастье —
Это сейчас.

Синий вечер

Наступает синий вечер,
Синий-синий,
Но сначала голубой.
Там осина сине стынет,
Так бы стыннуть нам с тобой.
Так бы стыннуть,
или сгинуть,
иль пропасть —
Чтобы вечер.
Чтобы синий.
Чтобы всласть!

Мария Кудрявцева

Профессор кафедры связей с общественностью СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Область интересов — образование и творчество взрослого человека, психология творчества.

Баба-яга

Пролетает над городом спящим
В тихих сумерках Баба-яга,
В своей ступе устало сидящая,
Повидавшая виды карга.

Ступа низко летит — перегружена:
Под скамейкой Брокгауз и Эфрон.
Вот, моторчиком старым разбужена,
Вдруг раскаркалась стая ворон.

И профессор из дома престижного
Пробудился, тот крик услышав,
И волнение почувствовав книжное,
Устремился проверить свой шкаф.

Ах ты, старый профессор, растяпа!
Ах ты, старый профессор, ворона!
Побывала в шкафу чья-то лапа —
Ни Брокгауза тебе, ни Эфрона.

Из твоей теперь энциклопедии,
Что была так тебе дорога,
Извлекать будет разные сведения
Любопытная Баба-яга.

1994

Фирс

А я остался седым одуванчиком,
Долгих лет мне своих не считать,
И на плюшевом старом диванчике
Мне осталось сидеть да лежать...

Ох, прилягу, свернусь я калачиком,
Плед накинута ветхий и рваненький
Да припомню, как прежде я мальчиком
Убегал из дому я раненько.

Я на речку бегу, а за речкой той,
Что не помню, как называется,
Там, за лёгкой волной, за холодной водой,
Солнце дымное поднимается.

Холодна вода, неудобно мне,
Старый плед дырявый не будет греть,
Да и к солнцу мне в том последнем сне
Нет подняться сил, да всё не взлететь.

Вот и жизнь прошла, как мелькнула тень,
Словно вовсе я и не жил.
Это, верно, сон, что я в жаркий день
Молоко холодное пил?

1996

Российское

Сидит мужик на берегу
В российском размышлении,
А я в реке и не могу
Я справиться с течением.

Вот он зевнул и отхлебнул
Глоток хмельного зелия,
А я уже почти тонул,
Держался еле-еле я.

Кричу, хватая воздух ртом,
Хрипя от безнадежности.
Но, осеня себя крестом,
Сидит он в безмятежности.

И смотрит на меня в упор
Детина обалдуева.
А я плыву, как тот топор
Из города Кукуева....

О себе

А прикинусь я грязным пляжиком
С туристическим мусорком,
С жирно-скомканными бумажками,
С покосившимся старым грибом.

И пускай меня топчут пятками,
Мой заплёванный жёсткий песок
Покрывают цветастыми тряпками
Те, кто в Сочи поехать не смог.

Это странное ощущение —
В мире радостном, поднебесном,
В своём пляжном оцепенении
Быть сыпучим и бессловесным

1997

Сон

Как мучают меня
Эти лестничные пролёты,
Обрывающиеся внезапно
И ведущие в никуда...
И обломанные перила,
И странные двери,
За которыми нету квартир,
И такая же прочая, казалось бы, ерунда.

Но бывает и хуже — лишь след на стене,
А лестницы нету,
Так, иногда,
Оставшиеся две-три ступеньки
На арматуре железной висят.
И куда, неизвестно,
Опять-таки двери.

Однако же надо пройти,
Хотелось бы также понять:
Зачем такое сосущее чувство утраты
И откуда
Такое безмерное чувство потери?

1997

Лэти

Там, где ветер на Карповке встречный,
Мне так весело снова идти.
Я опять молодой и беспечный,
И опять я шагаю в ЛЭТИ.
Там, где бродит технический гений,
Где науки высокий полёт,

Череда молодых поколений
Рвётся творческой мыслью вперёд.

Там во мраке пустых коридоров
Ночью ходит профессор Попов,
Отголоскам студенческих споров
Он внимает с улыбкой, без слов

Теорвер изучая и ТОЭ,
Напрягая и зрение, и слух,
Мы росли, узнавая ТАКОЕ,
Что возвысились разум и дух.

Там, где юность моя пролетела,
Снова молодость чья-то летит,
Потому что хорошее дело,
Если жизнь начинаешь с ЛЭТИ!

Татьяна Захарченко

Учится в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Победитель конкурса «Заветная лира». Публиковала стихи в изданиях ЛИТО ЛЭТИ. Автор книги стихов «Утро внутри» (2011).

* * *

Как спят ночные города —
На лужах капельки бензина,
Им так легко невыносимо,
Что не подумать никогда.
На окнах шторы: в темноте
Как будто дышится иначе...
И каждый шорох что-то значит,
И знаки видятся везде.
Как спят ночные города?
Надвинув треуголки лета,
Тревожат путников-поэтов,
Их манят вечно. Но куда?
Как спит холодная вода
С рассветным самым первым блеском...
Наивно, будто бы по-детски,
С лукавой складочкой у рта.
Как спят летящие мосты —
И не боятся окунуться
Ни в отражение этих улиц,
Ни в отзвук синей темноты.
Как спят ночные города?
Коленки подтянув соборов,
Дыша ветрами родом с моря...
И смотрят сказки про себя.

* * *

В первом абзаце какой-то старинной повести,
Где герой пропал без вести, новости
Неутешительны во всех отношениях,
Сокрушительны, как перелом со смещением.
Дама, закрыв лицо руками, роняет
Письмо, бледнеет. И никакая
Из сил уже не может привести ее
В состояние равновесия.
Она за время безвестия
Была уже почти готова к новости,

Которая обрушилась в первом абзаце повести
На плечи ей. Ведь герой пропал без вести
Где-то на юге, возле той крепости...
Вы о ней слышали... Что-то восточное.
Новости сыплются, как многоточия,
Но для кого-то они как точка,
Как выстрел,
Японская капля,
Последняя. За каждой строчкой
Такого послания —
Немое прощание.
И чей-то вскрик.

* * *

Причастие сродни расстрелу:
Когда ты один перед всеми,
Глаза в глаза.
Подставивший сердце, подставивший темя
Для пули или креста.
И дрогнет безвольно тело
От выстрела или слов.
К причастию, как к расстрелу,
Готов.

* * *

Снится, будто я могу тебе написать.
Абонент доступен, полет нормальный.
На одно мгновение лишь присядь,
Поболтай со мной не о страшных тайнах —
О котах, о мальчиках, обо всем,
Что всегда любила и так же любишь...
Посиди немножко со мной вдвоем
Здесь, среди живых, не сносивших рубищ,
Не узнавших, как это — умирать,
Когда тебе двадцать и ты, влюбленный,
Обречен на капельницы, кровать,
И вовеки каменные только клены.

Ксения Буржская

Родилась в Ленинграде, живет в Москве. Окончила СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Ей всегда будет 19; для нее самое красивое в городе – башенные краны; утро – самое удивительное время, но она обычно спит; коллекция, которую она собирает, – книги; в работе она верхняя-верхняя; исповедует культ клоуна и декламирует «Письмо генералу Z»; качественно любит.

Октябрь

Октябрь – и вещи уже на балконе совсем не сохнут;
время кольцует, смеется, делает нас большими,
и снова такая осень, что проще сдохнуть,
чем отпустить со словами «но ты пиши мне».

Но ты пиши мне.
Я буду фоток твоих охранником или вором,
маячить по холоду нашей любимой Бронной
и пальцами помнить пульс в углубленье горла
и то, что деревья ночные становятся морем.

Становятся морем
на стенах, подушке и тихих спинах,
Мосгаз с Мосэнерго дадут нам угля – согреться,
какая холодная будет зима, мне уже противно,
какая дурацкая будет весна, мне уже не спеться,

не спеться
ни с кем, как с тобой. И приходит нежить,
«останься со мной» – это тоже совсем из тех
романов, где по страницам немym кортежем
шатаются фразы вроде бабочек в животе.

Бабочек в животах —
не бывает. Там бьются вены, качаются лейкоциты,
стучит наковальня желудка, скрипит напалмом.
Я знала: мои ладони полны магнитом,
а ты – железом. И нас срывает, и прямо на пол.

И прямо на пол
все падает с гулким грохотом, скрипом, лостом.
Проверь меня временем, медными трубами, долгим стажем,
на прочность и верность, на соответствие разным ГОСТам,
поверь мне, что так еще не было. Так же – страшно.

* * *

Во Франции говорят, у каждой женщины должно быть
опасное черное платье,
узкие запястья, выгоревшие волосы.
Говорят, у каждой – должен быть муж, чтобы врать ему,
в руках – платина, и бронза – в голосе.

Во Франции говорят: у тебя что, нет любовника?
(следует переводить: ты что, никого не любишь?)
Во Франции женщины челку стригут так ровно,
чтобы она равнялась с линией железных крыш.

Во Франции говорят: ври, пока есть о чем,
оставляй чаевые, гони на последние в Ниццу.
Они улыбаются, щурятся до морщин – и солнце тут
ни при чем,
просто им нравится чувствовать мышцы.

* * *

Имя твое впечаталось в губы
Фатально.
Шепчу его даже во сне —
В два удара по нёбу.
Сжимаю и пальцы, и зубы,
Чтобы не плакать.
Когда ты – навстречу,
Сердце ломает рёбра.
Но чувствую прочно:
Я не имею права
Врываться в твоё сознание.
В кожу. В график.
Как только признаюсь —
Ты подаришь мне барабан,
Чтобы я колонну возглавила
Идущих на фиг.

* * *

Вечера в театральных пабах.
Швыряю грог в больное горло,

Словно это люголь.
Французский мужчина
С манерами изящной фабулы
Для киноромана
Поправляет гольфы.

Мальчишка дышит руками,
Извлекая из мехов аккордеонных
Всю соль и сладость.
Я люблю тебя за ночь до встречи,
Потому что она-таки будет.
Такая радость:

Твоим «рядом» измучить зрачки
До потери билета на поезд.
Я не хочу уезжать,
К вечеру потеплело и снежило.
После

Французский бармен учтиво предложит
Все самолеты, маршрутки и корабли,
А я промолчу – мои губы свело восторгом
От мысли, что знаю цвет твоего шабли...

* * *

что в твоих руках такое, чего нет в других,
чему подчиняются пуговицы и рули,
чем ты таким ворочаешь в моей груди
черные несгораемые угли?

что в твоём взгляде, откуда искры летят,
и как мое сердце закрыто тобой в блокпост,
и как ты внутри меня поместилась вся
во весь человеческий рост?

что ты там делаешь, мне проще с ума сойти,
что все перепонки зажало между костями,
не иначе, как хочешь вон из меня уйти,
путь прокладывая локтями.

что ты сказала, или не было ничего,
почему мой врач не пришел за меня болеть,
под глазами протерлось розовое сукно,
а могло бы и заржаветь.

я не вижу полной картины, одни мазки,

все расстроено и разрушено, коротит,
просто приди, подуй на мои виски,
там уже горит.

* * *

а любовь оказалась не опухоль, но киста —
умереть от нее не решилась, лечить достало.
по каким-то однако неведомым мне местам
время чего-то по-своему здесь расставило.

и не видно края этому небытию, и мрак
окружает меня, раскалывает до бела,
но, увы, я собака, меня натаскали так,
и я за косяк цепляюсь, чтобы не прогнала.

и мои вторженья подобны насилию и грабежу,
так и живу по инерции рядом и не по средствам,
а что до соитий — так я ежедневно в нее вхожу
каждым своим идиотским текстом.

Святослав Тернов

Выпускник СПбТЭИ. Автор поэтических сборников «Покой высоты» (2007), «Солнце в капле» (2009). Член Союза Писателей России.

* * *

Ты исчезла в слове «никогда»,
В трёх слогах, в трёх ипостасях грусти.
Не кивнёт забвенье, не отпустит,
Не вернёт до Страшного суда.
Только я ведь правды не ищу,
Мне нужна последняя надежда:
Не на то, что встретимся, как прежде,
А на то, что, встретившись, прощу...

* * *

С кем-нибудь смазливый, ясноглазым
Загулять бы опытной весне.
Шлёпая по тающим топазам,
Умилиться сочной новизне...

Голосом примеривает ветер
Отблески зари на облаках.
Эх, весне забыть бы всё на свете,
Да с зимой осталась на руках —

С дряхлою, болезненной старухой,
От которой страшно отойти...
Кончится, и небо станет пухом.
Мальчик, ясноглазый, погрусти!

По дороге в зоосад

Пред лицом чужих разлук
Стыдно радоваться жизни.
Или всех я здесь капризней?
Счастье валится из рук,

Как замечу волчий взгляд
Повзрослевшего ребёнка

Или детский взгляд волчонка
По дороге в зоосад.

* * *

Пьют из солнечного блюда
Золотое молоко
И опять играть несутся
Тюленята облаков.

По земле змеятся тени
И сплетаются в клубок,
Если взрослому тюленю
Тюленята ткнулись в бок.

Он их шлёпает не больно
В назидание хвостом.
И разносится невольно
Над землёю первый гром.

Брызгам зонтики навстречу
Поспешили расцвести —
Так хлопушки снизу мечут
Вверх икринки конфетти.

Надежда Баранова

Окончила СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в 2009 году. Публиковала стихи в университетском альманахе и в других изданиях СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Победитель поэтических конкурсов «Вначале было Слово» и «ПОЭТому». Автор книги стихов «A priori» (2007).

Прогулка

С вами гуляю чинно,
С вами опять на вы
И не ищу причину,
И не прошу любви.

Наш разговор случаен,
Наш разговор жесток.
Вам я всегда прощаю
Паузы между строк.

Вряд ли мы станем ближе,
Вряд ли скользнет рука...
Чижик, который пыжик,
Мелочь из кошелька...

* * *

Мне снятся белые подсолнухи,
И серебристые сады,
И ветерок слегка подсоленный,
И вкус фиалковой воды.

Где карамельными потоками,
Неторопливо-горячо
Ложится лето одинокое
На чьё-то бледное плечо.

Отъезд

Внезапной чередой линияющих пейзажей
Вдруг осень проросла сквозь августовский жар.
А наш последний день еще совсем не зажил:
Так трудно говорить, так просто уезжать.

Не верится в тепло, в убогую взаимность,

И радио молчит. И ветер поднялся.
И все бы ничего, но что-то изменилось
И мы теперь совсем на разных полюсах.

Забита голова глупейшими вещами,
И хочется себя, как книгу, пролистать.
До встречи в сентябре. Я тоже не прощаюсь.
Дорога далека, знакома и пуста.

Автобус

Едет автобус по Выборгскому шоссе.
Желтые фары против любых невзгод.
Обыкновенно, точно так же, как все,
Снижает скорость, показывает поворот.

Справа от него – тощие фонари.
Бетонных столбов унылая полоса.
Едет автобус и светится изнутри,
Ему до дома еще полтора часа.

Лето

Хожу без шапки, потому что у меня лето.
Обычное лето с желтыми листьями и дождем.
Грязь под ногами летняя. Суть не в этом,
Суть, понимаете ли, вообще в другом.

Лето такое лето. Темнеет рано.
Родина крутит стрелки туда-сюда.
Это нормально, это ничуть не странно —
Снег в это время года, ну как всегда.

Похолодало? Шею шарфом завяжем.
Главное, что без шапки, и посему
В этом году наш календарь покажет
Лето, перетекающее в весну.

Листья

Что же я делаю? Я собираю листья.
Желтые, рыжие, красные и в прожилку.
А настроение сразу какое-то лисье —

Чертики снова дергают за пружинку.

Выключить голову – весело, очень весело!
Ветер холодный – разве вот только ветер...
Просто бродить по золотому месиву
И подбирать – первый, второй, третий...

Небо

Ты – мое небо. Только не возражай.
Я отпускаю руки на счете «три».
Что это может так мерзко внутри дрожать?
Раз. Это не страшно, смотри, смотри!

Два – я еще цепляюсь за самый край.
Два с половиной... Ну же, когда? Когда?
Это ведь только наша с тобой игра,
Всё под контролем. Всё под контролем, да?

Мария Летюхина

Родилась в 1986 г. в Вологде, выросла в г. Гаджиево Мурманской области, в 2002 г. переехала в Санкт-Петербург. Окончила СПб университет экономики и финансов, а также – заочно – Государственный университет профсоюзов по специальности «Журналистика». Журналист информационного агентства РБК. Участник ЛИТО ЛЭТИ. Публиковалась в различных сборниках, издала две книги своих стихов.

Тверские мотивы

Там, где бабочки-подёнки
Деловито топчут воздух,
Вырастает из бурьяна
Деревянной церкви остов.

Там, где бабочки-подёнки
Пеленой покрыли лужи,
Барский пруд стоит заросший,
Барский дом сгорел ненужный.

Там, где бабочки-подёнки
Нам ложатся под колёса,
Ветер от реки доносит
Детский смех многоголосый.

Размышления у Стены плача

Среди всего оставленного спама,
Мол, я тут был, лови себе «плюс три»,
Ждёт Адресат, мне кажется упрямо,
Того, с кем есть о чём поговорить,

С кем и в конце Вселенной будет можно
За малой чашей диспут завязать.
А я пока завидую безбожно
Тем, кому есть о чём Ему сказать.

Нежность

Настоящая нежность – как первый рассвет
После ночи полярной, холодной и снежной.
Легкий отсвет проглянет, и вот его нет,
Только сумрак уже пропитался надеждой.

Поцелуем воздушным с гранитных вершин,
Удивительно мягких под белым покровом,
Он скользнет по глазам – не спугни! Не дыши! —
Обещая, что завтра появится снова.

Кончик неба окрасится в розовый цвет,
Чтоб напомнить весне – любим, ждем и скучаем!
Этой нежности многие тысячи лет,
В ней ничто не фальшиво, ничто не случайно.

Петербургу

Санкт-Петербург,
Город, в чьем имени слышится дактиль,
Был обречен
сдаться на милость когорты поэтов.
Арки мостов
делят Неву на неровные такты.
Вязью оград
бронзовый автор шифрует сонеты.

Я допишу
несколько строк этим ломаным метром,
Чтоб сохранить
в памяти код к недочитанной книге.
Пусть и моя
нота смешается с северным ветром,
Пусть промелькнет
капель дождя в неустойчивом блике!

Ксения Антонова

Студентка факультета экономики и менеджмента СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Помимо учебы и работы по специальности (да и сколько себя помнит) не может представить свою жизнь без музыки, в последние несколько лет нашла себя в джазе, надеется и далее развиваться в этом направлении. Занимается джазовым вокалом, играет на фортепиано, выступает. В составе творческой мастерской участвовала в различных постановках. Интересуется графикой, иллюстрацией и прочим «творческим рукоприкладством».

Мой город

Я не умею писать про свой город.
Должно быть стыдно – Санкт-Петербург все же!
Не хочу фразами пустыми, избитыми...
Вот пускай пишет тот, кто может.

Не могу описать «величие», «мощь»,
Аксетичность гранита, болотное дно.
Посмотри: осень, сумерки, дождь,
Вечно странные сны и сырое окно.

Даже чай здесь – не чай, а серое небо,
Листья желтые – и те монохромные.
Взгляду порой не хватает света,
Зато сердца у людей огромные.

28.09.2010

Медвежья песня

Дедушка Мороз, подари мне папу.
Медведи лапу сосут,
А я качаю «лапы».

Ночью совы кричат,
А у меня после часа —
Перманентно «Грогги».

Навстречу бежит пара зайчат,
А Мазай по воде
Уносит ноги.

У меня в комнате часы стучат,
А весна все равно приходит в город.
Чтоб ты знал:
Ночью совы кричат —

По бескорыстному твоему присутствию голод.

4.03.2012

Незнакомец

В один прекрасный день,
В одно прекрасное утро
Увидеть в зеркале незнакомца.
Прожить не одну зиму,
Даже не думать – знать,
Это в крови:
Пошел бы с ним в разведку!
С кем, с ним?
Да на край земли!

Кто ты, кто он, кто она,
Кто они в тебе,
Ты в себе, детка?

И глаза мои – не мои,
И одежда чужая – родная.

Я стою на краю земли,
И не понимаю,
Где я, кто я, какая?

30.11.2011

Голая правда

Голая правда голым вечером
Пошла на дорогу, на проезжую часть.
Думала встретить чего-то вечного,
А не увидела.
Что за напасть?
Первого встречного,
Вдоль идущего, не поперечного,
Смогла увести – только на час.
Думала: ветер порывистый,
Ночь слишком темная,
Только игра для нее
С начала самого
Определенно не задалась.

Голую правду так опрометчиво
Не замечала ни одна власть.

Только под лампочкой,
Кухонной свечечкой,
Наговорила всласть.

Первому встречному, вдоль идущему,
Голая правда, не сомневаясь и не таясь,
Распотрошилась, разоткровенничалась,
И разоделась, и разошлась.
Голая правда лежала вечером,
Проводив «поперечных», подправив масть,
Определилась, где она мечена,
Козырная и честная.
И откуда такая взялась?

29 июня 2012

Я детеныш

Я детеныш какого-то дикого зверя,
Я забрела к тебе из темных джунглей,
Меня пугают резкие звонки телефона
И одетые в форму суровые люди.

Меня пугают опасные большие деньги,
Я детеныш какого-то дикого зверя,
Я не буду стоять перед твоим порогом,
Пороги – ведь это тела деревьев.

Я упрусь железобетонным рогом
В завода железобетонные стены,
Я зверь, мне же нужно совсем не много...

2010

Константин Ансимов

Родился на Камчатке. Выпускник кафедры инновационного менеджмента СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Работает в Координационном инновационном центре СПб Кластера инноваций в энергетике и промышленности. Публиковал стихи в изданиях ЛЭТИ.

Мед

добрая пчела собирает мед.
она не поняла и никогда не поймет,
что мир не мед.

добрый носорог любит запах трав,
мил его мирок, но и он не прав,
он не любит мед.

добрые коты воют по весне,
может, это ты, может, это снег,
может, это мед.

Эфирное

умывается снегом сон,
ламинируются слова.
этот мир до того невесом,
что любовь никогда не права.

ведь укравший спешит вернуть,
а убивший рождает сам,
но ведь так тяжело свернуть,
если выбрана полоса.

но в туннеле горит огонь —
это признак ненужных фраз.
я рисую твою ладонь,
словно призрак решил за нас.

Тамплиер

Тамплиера смерть забрала,
Невзирая на забрало.
Была крепкой сталь доспеха,
Но горбатой не помеха.

Нет теперь защиты веры
От проклятой злой химеры.
Страшновато пилигриму —
На пути к Иерусалиму.

Но придет на смену новый
Смелый, сильный, безголовый
Тамплиер, готовый биться.
Вот такое вот мне снится.....

Елизавета Есенина

Родилась в городе Тольятти, окончила Лицей искусств, выступала в народном ансамбле «Раздолье». Пишет стихи и прозу.

Роман с дождём

Капли мне лицо целуют.
У меня роман с дождём.
Нас никто не обязует
Вечность всю идти вдвоём.

Раз целует, это значит,
Капли – губы у дождя.
Он целует, а не плачет.
У дождя любовь своя.

* * *

Как сигануть с окна бы
И к речке побежать!..
Ломая баррикады
В сознании! Не ждать!

И долететь до сути,
Касаясь лишь воды!
Откуда столько мути?
Куда я с высоты?..

Ветер

Отхлестай по щекам меня, ветер,
Чтобы трезвость вернуть голове.
Отчего ж, мой родной, ты не весел?
Не грусти! Протяни руку мне.

Мы пройдемся вдвоём по бульварам.
Вместе грустно не будет в пути.
Наших точек не встретят радары,
Нас с тобой никогда не найти.

Мы друг друга так встретили странно,
В тёплый вечер холодной весны.

Не бросай меня, ветер, не надо.
Я жива, пока рядом есть ты...

Кто-то курит сигареты

Кто-то курит сигареты
Высоко на небесах.
Объяснить бы: вредно это,
Да в таких ещё годах!

Курит Он без остановки,
Белый дым пускает вниз.
Хватит Вам надолго лёгких?
Сколько длится Ваша жизнь?

Близоруко глаз сощурит.
У Него усталый вид.
Люди, нервы, вот и курит.
Ладно, пусть себе дымит...

Останки красоты

Последние свободные цветы
Скукожились. Я кутаю в простынки
Останки столь привычной красоты,
Чтоб тел озябших не коснулись льдинки
И взгляды любопытной злой толпы...

Неотмасштабированная боль,
Звучат слова – раскаты грома.
И пыль лишь жмётся по углам.
А я кричу, ругаю Бога
За то, что Он не верит нам.

Он, вероятно, посчитал:
«Что больно здесь – то больно там»
И создал боль. И боль потерь.
А Боги ведь крупней людей...

О ВЫСОКОМ

С давних пор мы кричим о высоком,
Переполнив свои животы.

А дворняга костлявым боком
Прячет вход своей снежной норы.

Мы спешим в тёплый дом, на работу,
Забываем голодных собак.
А они без семьи, без заботы
Снова лезут в мусорный бак.

Ну а мы говорим о высоком...

Елизавета Белянина

Родилась 13.06.1990 в городе Выборге Ленинградской области, там же окончила среднюю школу № 12. В настоящее время является студенткой шестого курса СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Город

Иссиня-чёрный цвет: вода и отраженье.
И движущийся свет пустых огней.
И тень луны, и ночи приближенье,
И город стен, фундаментов, камней.

Потрескавшийся лёд под тяжестью ботинок.
Дыханье воздуха, заставшее врасплох.
И на щите немой, безликий снимок,
И осени последний тихий вдох.

Замёрзший серый снег, уснувший вдоль асфальта,
И шум машин, убийца тишины.
Подскок, прыжок, двойное сальто —
И мрак упал с небесной вышины.

Холодный острый взгляд везде и всюду
И жадный блеск украденных идей.
Гранит, бетон, осколков груды...
Здесь город стен, но только не людей.

10.12.2008

* * *

По тем же улицам, вдоль тех же серых стен
Стучит мой шаг, и бьётся пульс быстрее.
И старых мыслей бесполезный плен
Вдруг чувствуется жёстче и острее.

Со дна сознания, из самой глубины
Потянет ветром, колким и холодным,
И два пореза по краям спины
Вдруг заболят под действием погодным.

Как будто вырвавшись из погреба обид,
Воспоминанья выплывут на волю.
И хоть казалось, голос в нём убит,
Мне моё сердце скажет: «Я всё помню».

11.12.2008

* * *

Устало лёг задумчивый апрель
На гладь реки спокойной и зеркальной.
Он – и огни, мерцающие в ней,
И в глубине её дворец хрустальный.
Тот старый мост, нависший над рекой,
Ботинки ног, идущих по нему,
Спускаясь вниз, апрель хватал рукой,
Дразня над ним висящую луну.
И вот уже внизу, отодвигая
Последние кусочки ледника,
Апрель шепнул на ухо маю:
«Вставай» и дал ему пинка.

16.04.2009

Елена Шапка

Студентка СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Родилась в Выборге. Школу заканчивала в Ставропольском крае, а до этого шесть раз меняла место обучения. В 10-м классе, а затем в университете организовывала рок-группы, где была вокалисткой и автором текстов песен. Продолжает работать в университетской газете «Электрик», а также работает специалистом Волонтерского центра. Мечтает стать лучше и добрее.

Новый взгляд

Новый взгляд не веет романтикой,
Я с претензией на гениальность
Прощалась, как с брошенным фантиком.
Хоть и жалко – самую малость.

Новый взгляд разрушает сомнения —
Только дай мне опору, я выстою.
Профанация, а не презрение,
Демонстрация новой истины.

Новый взгляд упорядочил прошлое,
Словно бусы нанизал на ниточку.
Написал содержание – грош ему,
Ведь дышать теперь тоже убыточно.

Новый взгляд распознал подоплёку,
Одиозные мысли безжалостны.
Наслаждаюсь победным упрёком.
Может быть, это всё показалось мне?

2009

* * *

Три минуты на сигарету —
Я могу разрешить себе это.
Три минуты до отправления —
Подмигнуть молодому соседу.
Суета. Быстрота. Много дыма.
Я опять обвиняю монеты.
Суета. Быстрота. Время пусто.
Утекло, потеряв силуэты.
На пружине обрывки смятений.
В темноте различать самоцветы.
Под товарными полками тихо
Пролетают немые ответы.

Грустно. Радостно. Странно. Банально.
Выливая убитые граммы
(Три минуты до отправления:
Цвет пейзажа красиво-нахальный),
Посыпая теплом расставанья,
Завершаю 20-е лето.

2009

Питер

Я открыла глаза, я стою на краю,
Небо красное ловит мой мелочный взгляд.
Сколько слов убежало, только птицы поют,
Над растоптанным именем громко кружат.
Этот город встречает зачем-то меня
У двери с яркой надписью «Выход».
И опять эти крупные капли дождя,
И опять новых запахов вихрь.
Твой последний привет убеждает меня
Стать жестокой, но этого мало.
Для того чтобы выжить на борту корабля

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.